
АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОСНОВЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ЛОВУШЕК В МАЛОМ БИЗНЕСЕ

Канапухин Павел Анатольевич¹, д-р экон. наук, проф.

Воронин Валерий Павлович², д-р экон. наук, проф.

Карибов Сергей Тамазович³, асп.

¹ Воронежский государственный университет, Университетская пл., 1, Воронеж, Россия, 394018; e-mail: kanapukhin@econ.vsu.ru

² Воронежский государственный университет инженерных технологий, пр. Революции, 19, Воронеж, Россия, 308015; e-mail: voronin070441@mail.ru

³ Институт социального развития, Ленинградская ул., 62, Воронеж, Россия, 394033; e-mail: k514437@ya.ru

Цель: статья посвящена вопросам анализа институциональных ловушек в деятельности малого бизнеса, исследования их экономической основы, выявлению воздействия на экономические результаты деятельности хозяйствующих субъектов и роли информации в принятии управленческих решений. *Обсуждение:* в предположении, что эффекты институциональных ловушек проявляются не только вследствие воздействия формальных институтов на хозяйственную деятельность, но и информационная обеспеченность в целях прогнозирования экономических последствий, а также когнитивные способности самих управленцев – менеджеров на различных уровнях управления. Это выдвигает на первое место выработку комплексного стратегического анализа и вероятностного прогнозирования макроэкономических условий, реального обеспечения экономического единства пространства России. *Результаты:* выявлены основные факторы формирования в современных условиях институциональных ловушек, предложены инструменты их преодоления, последовательной формализации институтов взаимоотношений бизнеса и государства, усиление социальной составляющей в экономическом процессе, неформальной поддержке малого бизнеса, обоснована необходимость активизации государственных институтов в экономическом образовании собственников бизнеса.

Ключевые слова: институциональные ловушки, экономическая основа, формализация институтов.

DOI: 10.17308/meps.2021.6/2621

Введение

Начиная с последней четверти XX века в институциональной теории экономического развития большое внимание стало уделяться одному из ее направлений, а именно теории институциональных ловушек. Понятие «институциональная ловушка» вошло в обиход научной мысли вместе с институциональной теорией экономики, ее постулатами о трансакционных издержках и об издержках информационного обеспечения. Прежде всего это было вызвано институциональными изменениями, происходящими в результате трансформационных процессов экономической системы социализма в экономическую систему капитализма, перехода от планово регулируемой экономики к свободной рыночной, отказа от инструментов планирования в пользу механизма рыночного регулирования. Ослабление роли государства в управлении народнохозяйственным комплексом сопровождалось возрастанием фактора рыночной неопределенности. Как отмечает Дж. Сорос, считающийся выдающимся финансистом XX в., «хотя государства по-прежнему имеют полномочия вмешиваться в экономику, они сами все больше начинают зависеть от сил международной конкуренции» [5, с. 120].

Характерным становится чередование ускорения и замедления процесса подъема-спада деловой активности как результат самоусиливающегося взаимодействия предвзятого мнения и тенденции, создаваемых мышлением и реальностью, характеризующихся им как рефлексивный механизм. В этом свете быстрые циклы подъема-спада деловой активности скорее являются исключением, а не правилом, правилом является рефлексивность – будь она самоусиливающейся или самокорректирующейся, но она игнорируется доминирующими представлениями [5, с. 60]. Появление в этой связи институциональных ловушек выступает как результат взаимодействия данных процессов и факторов в различных изменяющихся социально-экономических условиях различных стран. Именно поэтому в теории еще не сложилось единого понимания термина «институциональная ловушка», ее экономического содержания как экономической категории.

Нам представляется институциональная ловушка как формальный институт, облеченный в экономическую категорию, возникшую в процессе развития теории институциональной экономики. Институциональная ловушка представляет собой норму, характеризующую, во-первых, как неэффективную, а во-вторых, как устойчивую, в-третьих, носит самоподдерживающийся характер. Как любая устойчивая норма, институциональная ловушка представляет собой формальный или неформальный институт, оказывающий периодическое или постоянное влияние на деятельность экономических агентов, на принятие ими того или иного решения. В настоящее время институциональная ловушка – уже сложившаяся экономическая категория, в то же время требующая своего теоретического осмысления ее места в системе экономических отношений и возможности ее использования в практической деятельности экономических агентов. Необходимо выяснение ее

роли в проводимых в России экономических реформах, в их непоследовательности и противоречивости, в соответствии социальной ориентированности, провозглашенной Основным Законом РФ – Конституцией Российской Федерации.

Проблема «институциональных ловушек» является актуальной и потому, что в разных странах она трактуется неоднозначно. В частности, в англоязычных странах теорию институциональной ловушки («institutional trap») отождествляют с эффектом блокировки («lock-in effect»), когда однажды принятое решение трудно остановить (по Норту) [4]. Это выступает главной опасностью при проведении всевозможных реформ управления как на уровне страны в целом, так и на уровне отдельного экономического агента. Поэтому проблемы институциональных ловушек в последние десятилетия привлекают такое пристальное внимание ученых, экономистов и менеджеров-практиков. Стремление выяснить и уяснить для себя причины и механизмы возникновения институциональных ловушек, какова роль в их формировании и закреплении как неэффективных, но устойчивых институтов транзакционных, трансформационных и информационных издержек. Причем транзакционные и трансформационные издержки могут быть выведены из информационных издержек, как избыточной или недостаточной информации, запаздывающей или преждевременной.

Наибольшее внимание анализу проблем «институциональных ловушек» и возможных путей выхода из них уделяли как российские ученые Е.В. Балацкий [6, 7], Белянин А.В. [8], Боровская Л. В. [9-10], В. М. Полтерович [17], Земцова Л.В., Бурликова Т.В. [13], Фомин Р.В. [18], так и зарубежные Р.У. Дэвис [12], Д. Норт [4], П. Дэвид [2], Л. Карусо [1] и др.

В теории наблюдается определенное разнообразие институциональных ловушек, которые сопутствовали и сопутствуют функционированию российской экономики на всем пути ее трансформации в рыночную европейского стандарта, открытую и стандартизированную. На этом пути победила теория свободного рынка Адама Смита, отстаивающая необходимость устранения в социальном государстве (по Конституции Российской Федерации) самого государства от процесса управления народным хозяйством. Последовал отказ от институтов плановых начал и государственных стандартов как индикаторов для производителей и контроля со стороны общества за качеством производимой продукции. При этом даже не рассматривался западный опыт анализа и оценки эффективности данных институтов, например, Дэвис Р.У. [12] по использованию советского опыта планирования и стандартизации, Г. Форда о необходимости планирования [3] и др., который широко используется в зарубежной практике. Начавшийся же в первой четверти XXI в. возврат к стандартизации сделал упор на Технических условиях, утверждаемых самими предприятиями и которые не отражают единые основополагающие требования и направлены на послабления во имя извлечения прибыли за счет понижения потребительских качеств продукта.

В этой связи различаются культурная инерция и институциональный конфликт. Они смягчают отрицательные краткосрочные последствия неподготовленных, слишком быстрых преобразований, в то же время они препятствуют долгосрочному экономическому росту. К институциональным ловушкам относятся бартерный обмен, неплатежи за поставленный товар, избежание уплаты налогов, коррупция, теневые рынки. Коррупционная ловушка и ловушки теневых рынков, материальным носителем которых выступают экономический агент, группа экономических агентов, экономика, в целом не способны к позитивному развитию. Отсюда порождается важный методологический аспект – необходимость разделения (отделения) самой институциональной ловушки от ее материального носителя, материального воплощения. Так, в сложившейся коррупционной системе, например, выход из коррупционной ловушки существенно затруднен (или даже невозможен) ввиду возможных крупных неприятностей противопоставления личности, хотя и честной, коррумпированному коллективу, который в целом полагает приемлемым сложившийся институт, не видит, не придает значимость моральным запретам. То есть моральные запреты в коррупционном институте, как правило, не выступают институциональными ограничениями. В таком институте складывается моральная институциональная ловушка: морально стойкий человек не участвует в коррупционной схеме, но и не в состоянии выступить против нее открыто. Особенно, если это связано с заключением контрактов, с трансакционными издержками, связанными с обменом или защитой правомочий. Трансакционные издержки наряду с коррупционной институциональной ловушкой в этом случае выступают препятствием оперативному заключению сделок между экономическими агентами.

Обсуждение

Д. Норт полагал, что «Институты... далеко не всегда создаются для того, чтобы быть социально эффективными; институты... создаются скорее для того, чтобы служить интересам тех, кто занимает позиции, позволяющие влиять на формирование новых правил» [4]. Институционализм исходит из несоответствия ряда постулатов неоклассической теории реальной экономики. Это касается, прежде всего, постулатов индивидуализма и экономической рациональности в поведении экономических агентов и соответственно экономического равновесия, которое в реальной экономике достигается как момент в развитии. Можно утверждать, что в подтверждение данного подхода лауреатом Нобелевской премии по экономике стал Р. Талер за вклад в исследование экономического поведения и за понимание роли психологии в экономике. П. Дэвид, исследователь QWERTY-эффектов, пошел еще дальше, выдвинув постулат, что деятельность экономических агентов осуществляется не как индивидуализм, а как результат коллективистских действий, не ощущаемых экономическим агентом (то есть под социальным воздействием общества). «Иногда понять логику окружающего нас мира (или ее отсутствие) можно, лишь проследив, как он достиг такого состояния. Зависящая

от пути развития последовательность экономических изменений и является примером того, как отдаленные во времени события, включая ситуации, вызванные скорее случайным стечением обстоятельств, нежели действием системных сил, могут оказывать существенное воздействие на окончательный результат. Подобные стохастические процессы не сходятся автоматически к распределению исходов в окрестности фиксированной точки и называются неэргодическими» [2].

Выдвижение подобного постулата означает развитие институциональной теории в части влияния институциональных изменений на функционирование экономики и образование институциональных ловушек. В частности, Д. Норт отмечает влияние технологических изменений на противоречивый характер принятия институциональных решений : «приращение изменений в технологической сфере, однажды принявшее определенное направление, может привести к победе одного технологического решения над другими даже тогда, когда первое технологическое направление, в конце концов, оказывается менее эффективным по сравнению с отвергнутой альтернативой» [4]. Тем самым возникает институциональная ловушка как неэффективная норма (неэффективный институт), имеющая самоподдерживающийся характер, не без основания уточняет В.М. Полтерович [17].

В управленческом процессе, таким образом, формируется новый постулат, который гласит, что однажды принятое решение впоследствии трудно отменить. В этом состоит управленческая суть QWERTY-эффекта. С позиции экономики предложения это означает конфликт интересов производителей и потребителей в пользу первых, в маркетинговом понимании – в формировании рынка производителей. Тем самым происходит целенаправленное формирование (воспитание) интересов потребителей, исходя из сложившихся технологий производства продукции и произведенных транзакционных затрат (реклама, логистика, обучение), сформировавшегося рынка потребителей. Раздвоенность интересов и устоявшихся целей первоначально стимулировала потребительский спрос, удовлетворение которого происходило путем соответствующего расширения масштабов производства и совершенствования ассортиментной структуры QWERTY-эффективной продукции за счет ее совершенствования и маркетингового оформления. Эта устойчивость «подпитывается» эффектом масштаба производства, следствием которого выступают: изменение структуры издержек на производство и реализацию продукции:

- снижение удельного веса транзакционных издержек, приходящихся на каждую последующую единицу выпускаемой продукции;

- снижения удельного веса условно-постоянных производственных и коммерческих затрат (амортизационные отчисления, расходы по аренде и содержанию помещений и др.) в себестоимости единицы продукции;

- возрастание доли прибыли в конечной цене продукта.

QWERTY-эффект наблюдается в попытках механического использова-

ния опыта предыдущей социалистической системы без конкретной увязки ее с существующими условиями и «стыдливостью» ее упоминания вообще. В результате наблюдается попадание в институциональную ловушку QWERTY-эффекта. На макроуровне это проявляется в невозможности ввести в механизм народнохозяйственного управления России инструментов среднесрочного и долгосрочного планирования, стратегического анализа, предвидения институциональных ловушек недобросовестной конкуренции, поддерживаемой западными государствами. В результате даже крупнейшие компании России, применяющие инструменты среднесрочного и долгосрочного планирования и стратегического анализа, ориентирующиеся на декларируемые принципы справедливой конкуренции, периодически оказываются в критических ситуациях неспособности выполнять заключенные договора. Так происходило в результате запрета по заключенным долгосрочным договорам поставок комплектующих в соответствии с условиями и требованиями Всемирной торговой организации (ВТО), иностранные поставщики отказывались поставлять оборудование для глубоководной добычи нефти, компоненты для изготовления крыла самолета «Сухой Суперджет-100», микросхемы и т.д.

Отсутствие долгосрочных стратегических планов и стратегического анализа способствует переориентации экономики страны с более полного удовлетворения потребностей населения России в продовольствии на сиюминутное извлечение прибыли собственниками компаний и торговцами-перекупщиками. Под влиянием форс-мажорных обстоятельств российские компании попадают в институциональную ловушку кризисной ситуации. Так, например, вследствие мировой эпидемии коронавируса Китай закрыл границы дальневосточным рыбакам, которые ориентировались в основном на экспорт выловленной рыбы, в частности, хека, на китайский рынок с коротким логистическим плечом. Произошли резкие изменения макроэкономических условий на экспортном потребительском рынке, которые привели к снижению цены предложения экспортеров до 40 руб. за кг, тогда как на российском рынке вследствие его ненасыщенности в розничной торговле его цена подскочила до 200 руб. за кг. Выход из этой институциональной ловушки правительство видит в строительстве десятков новых холодильников на Дальнем Востоке вместо увеличения количества вагонов-рефрижераторов для транспортировки рыбы в центр России, установления льготных железнодорожных тарифов на транспортировку рыбы с Дальнего Востока в центр России, что привело бы к снижению цены ее продажи в розничной торговой сети, особенно в малых предприятиях, более полному удовлетворению потребностей населения в рыбной продукции отечественного производства.

Отсутствие долгосрочного стратегического планирования и стратегического анализа ведет к недостаточности информационного обеспечения экономических агентов, побуждает их принимать управленческие решения без необходимого прогноза результатов деятельности, оценки степени неопределенности, вероятности и величины коммерческого или политического риска. В этих условиях попасть в институциональную ловушку особенно

подвержены предприятия малого предпринимательства по причине:

- QWERTY-эффекта ограниченности со стороны банков в предоставлении кредитов в силу указанных причин;
- недостаточности финансовой «подушки» в случае изменения макроэкономических условий;
- налоговой зарегулированности со стороны Федеральной налоговой службы в случае дробления бизнеса (с переходом на соответствующую упрощенную систему налогообложения прибыли или объема реализации) ФНС рассматривает этот механизм «выживания» как факт ухода от налогообложения и «понуждает такие малые предприятия к объединению с переходом на общую систему налогообложения и соответственно ведения бухгалтерского учета в расширенном виде.

Таким образом, оптимизация бизнеса через механизм дробления оказывается для малых предприятий опасным приемом, вызывающим подозрительность со стороны института налогового контроля на предмет проверки взаимозависимости контрагентов, низкого уровня налоговой нагрузки и подконтрольности участников схемы дробления. В нарушении Гражданского кодекса РФ и Налогового кодекса РФ принцип оптимизации налоговой нагрузки превращается в институциональную ловушку для малого бизнеса, ибо нормативное обоснование в части определения понятия и содержания термина «дробление бизнеса» в российском законодательстве отсутствует. В качестве признаков дробления могут выступать такие характеристики (применительно к строительной компании), как: совместное обучение руководителей, совместная трудовая деятельность в течение длительного периода, родственные отношения, наличие единого офиса, единой бухгалтерии, единого производственного процесса и т.д. При этом не принимаются во внимание отношения аутсорсинга, т.е. передача исполнения части функций сторонней организации, что широко практикуется западными компаниями. В данном случае нечеткое и непоследовательное оформление документации и коммерческих отношений однозначно трактуется как налоговое правонарушение с последующим наказанием – доначисление налогов и штрафов за их несвоевременную уплату, использование принципа субсидиарной ответственности. Существующая судебная практика свидетельствует: арбитражные суды, как правило, становятся на сторону государства, а не предпринимателя-ответчика.

Как подчеркивает начальник Управления досудебного урегулирования налоговых споров ФНС России Р. Якушев, «законодательство не исключает в налоговых правоотношениях действие принципа диспозитивности и позволяет налогоплательщику выбрать тот или иной метод учетной политики: использование налоговых льгот или отказ от них, применение специальных налоговых режимов и т. п.» [3]. При этом приводимые характерные признаки схем дробления бизнеса носят описательный характер и, следовательно, не несут однозначного решения (по усмотрению арбитражного

суда). Однозначна лишь одна характеристика: «не должно использоваться для неправомерного сокращения налоговых поступлений в бюджет в результате злоупотребления налогоплательщиком своими полномочиями» [3].

Заключение

Основными факторами возникновения институциональных ловушек на данном этапе экономического развития страны выступают:

– рефлексивность как самоусиливающееся взаимодействие предвзятого мнения и тенденции создаваемым мышлением, с одной стороны, и несовпадающей с ними реальностью, с другой, характеризуемый нами как рефлексивный механизм управленческого процесса;

– QWERTY-эффективность устойчивых неэффективных институтов, действующих вследствие произведенных ранее транзакционных и логистических затрат, позволяющих компании извлекать прибыль;

– отсутствие стратегического анализа и планирования на макроуровне, непрозрачность вследствие чего макроэкономической среде, затрудняющей компаниям с достаточным обоснованием выстраивать дорожную карту своего развития;

– несформированность формального института дробления бизнеса. Формальный институт «Федеральная налоговая служба России» ограничивается декларацией правовой свободы компаний по обоснованию оптимизационных структурных преобразований в форме дробления бизнеса условием неснижения налоговых поступлений в бюджет и не затрагивает схожий механизм аутсорсинга.

Ориентация компаний, прежде всего, на извлечение прибыли в условиях отсутствия ориентации на максимальное удовлетворение потребностей прежде всего российского населения в продуктах, товарах и услугах не может обеспечить выход из институциональных ловушек. Важно выработать и осуществить сопряженность интересов компаний и населения за счет дальнейшего развития частно-государственного партнерства, внедрения прогрессивных тарифов, без которого невозможно обеспечить экономическое единство всего пространства России. Нам представляется, что роль государства заключается не в усилении репрессивных мер наказания, а на предотвращении возможных, сознательно или бессознательно допускаемых нарушений выработкой соответствующих методических рекомендаций по оформлению хозяйственных отношений между контрагентами малого бизнеса и проведению соответствующих семинаров с собственниками бизнеса.

Список источников

1. Caruso L. Digital innovation and the fourth industrial revolution: epochal social changes? // *AI & SOCIETY*, 2018, no. 33, pp. 379-392.

2. David P.A. *Clio and Economics of*

QWERTY // *American Economic Review*, 1985, Vol. 75 (2), pp. 332-337.

3. Ford H., Crowther S. *My Life and Work*. Garden City, New York, 1922.

4. North D. *Institutions, Institutional*

Change and Economic Performance. Cambridge University Press, 1990.

5. Soros G. *The Crisis of Global Capitalism: Open Society Endangered*. PublicAffairs, 1998.

6. Балацкий Е. Теория институциональных ловушек и правовой плюрализм // *Общество и экономика*, 2001, no. 10.

7. Балацкий Е.В. Консенсусные институты для нейтрализации неомальтузианской ловушки // *Вопросы регулирования экономики*, 2019, Т. 10, no. 3, с. 23-36.

8. Белянин А.В. Экономика обмана: причины, факторы, экспериментальное измерение // *Экономический журнал ВШЭ*, 2017, Т. 21, no. 2, с. 201-223.

9. Боровская Л.В. Институциональная среда и особенности ее формирования в результате институциональных изменений // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление*, 2018, no. 4, с. 5-12.

10. Боровская Л.В. О теоретических концепциях проведения институциональных трансформаций // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление*, 2019, no. 1, с. 5-10.

11. Бренделева Е.А. QWERTY-эффекты, институциональные ловушки с точки зрения теории транзакционных издержек // *20 лет исследования QWERTY-эффектов и зависимости от предшествующего развития. Материалы интернет-конференции*.

12. Дэвис Р.У. *Великобритания и Соединенные Штаты: анализ развития советской экономики в межвоенный период. Россия XIX-XX вв. Взгляд зарубежных историков*. Москва, 1996.

13. Земцова Л.В., Бурликова Т.В. Институциональные ловушки в современной России: причины и пути выхода // *Перспективы развития науки и образования: Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции*. Люберцы, 2018, с. 99-100.

14. Канапухин П.А., Воронин В.П., Карибов С.Т. Анализ деятельности малого предпринимательства: институциональный подход // *Современная экономика: проблемы и решения*, 2020, no. 12, с. 124-136.

15. Карибов С.Т. Институциональные ловушки для малого бизнеса // *Место и роль России в мировом хозяйстве: Сборник статей XIV международной научно-практической конференции*. Круглый стол (29-30.11.2019); Воронеж. гос. ун-т. инж. технол. Воронеж, 2020, с. 45-48.

16. Карибов С.Т. Институциональные ловушки как отражение QWERTY-эффектов в экономике // *Место и роль России в мировом хозяйстве: Сборник статей XV международной научно-практической конференции (27-28.11.2020)*. Воронеж. гос. ун-т. инж. технол. Воронеж, 2021, с. 49-52.

17. Полтерович В.М. *Институциональные ловушки и экономические реформы*. Москва, Российская экономическая школа, 1998.

18. Фомин Р.В. Институциональная ловушка модернизации социально-экономической политики Южного федерального округа в условиях цифровизации экономики // *Современная экономика: проблемы и решения*, 2020, no. 3, с. 186-196.

ANALYSIS OF THE ECONOMIC BASIS OF INSTITUTIONAL TRAPS IN SMALL BUSINESS

Kanapukhin Pavel Anatolyevich¹, Dr. Sc. (Econ.), Prof.

Voronin Valery Pavlovich², Dr. Sc. (Econ.), Prof.

Karibov Sergey Tamazovich³, graduate student

¹ Voronezh State University, University Sq., 1, Voronezh, Russia, 394018; e-mail: kanapukhin@econ.vsu.ru

² Voronezh State University of Engineering Technologies, Revolyutsii Ave., 19, Voronezh, Russia, 308015; e-mail: voronin070441@mail.ru

³ Institute of Social Development, Leningradskaya str., 62, Voronezh, Russia, 394033; e-mail: k514437@ya.ru

Purpose: the article is devoted to the analysis of institutional traps in the activities of small businesses, the study of their economic basis, the identification of the impact on the economic results of economic entities and the role of information in making management decisions. *Discussion:* under the assumption that the effects of institutional traps are manifested not only due to the impact of formal institutions on economic activity, but also the provision of information security in order to predict economic consequences, as well as the cognitive abilities of managers themselves—managers at various levels of management. This puts in the first place the development of a comprehensive strategic analysis and probabilistic forecasting of macroeconomic conditions, the real provision of economic unity of the Russian space. *Results:* the main factors of the formation of institutional traps in modern conditions are identified, and the tools for their formation are proposed. consistent formalization of the institutions of business-state relations, strengthening of the social component in the economic process, informal support for small businesses, and the need to activate state institutions in the economic education of business owners is justified.

Keywords: institutional traps, economic basis, formalization of institutions.

References

1. Caruso L. Digital innovation and the fourth industrial revolution: epochal social changes? *AI & SOCIETY*, 2018, no. 33, pp. 379-392.
2. David P.A. Clio and Economics of QWERTY. *American Economic Review*, 1985, Vol. 75 (2), pp. 332-337.
3. Ford H., Crowther S. *My Life and Work*. Garden City, New York, 1922.
4. North D. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge University Press, 1990.
5. Soros G. *The Crisis of Global Capitalism: Open Society Endangered*. PublicAffairs, 1998.
6. Balatsky E. The Theory of institutional traps and legal pluralism. *Society and economics*. 2001. № 10. (In Russian).

7. Balatsky E.V. Consensual institutes for neutralization of the non-omaltusian trap. *Voprosy regulirovaniya ekonomiki*, 2019, Vol. 10 (3), pp. 23-36. (In Russ.)
8. Belyanin A.V. Ekonomika obman: prichiny, faktory, eksperimentalnoe izmerenie. *Economic Journal of the Higher School of Economics*, 2017, Vol. 21 (2), pp. 201-223. (In Russ.)
9. Borovskaya L.V. Institutional environment and peculiarities of its formation as a result of institutional changes. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management*, 2018, no. 4, pp. 5-12. (In Russ.)
10. Borovskaya L.V. On theoretical concepts of institutional transformations *Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management*, 2019, no. 1, pp. 5-10. (In Russ.)
11. Brendeleva E.A. QWERTY-effects, institutional traps from the point of view of the theory of transaction costs. *Materials of the Internet Conference: 20 years of research on QWERTY-keyboard-effects and dependence on previous development*. (In Russ.)
12. Davis R.W. *The United States and Great Britain: an analysis of the development of the Soviet economy in the interwar period*. Moscow, 1996.
13. Zemtsova L.V., Burlikova T.V. Institutional traps in modern Russia: reasons and ways out. *Prospects for the development of science and education: A collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific and Practical Conference*. Lyubertsy, 2018, pp. 99-100. (In Russ.)
14. Kanapukhin P.A., Voronin V.P. Caribbean Analysis of the activities of small business: institutional approach. *Modern economy: problems and solutions*, 2020, no. 12, pp. 124-136. (In Russ.)
15. Karibov S.T. Institutional traps for small businesses. *The place and role of Russia in the world economy: Collection of articles of the XIV-th scientific and Practical International Conference*. Round table (29-30.11.2019); Voronezh State University of Engineering and Technology. Voronezh, 2020, pp. 45-48. (In Russ.)
16. Karibov S.T. Institutional traps as a reflection of QWERTY effects in the economy. *The place and role of Russia in the world economy: Collection of articles of the XV International Scientific and Practical Conference (27-28. 11. 2020)*; Voronezh State University of Engineering and Technology. Voronezh, 2021, pp. 49-52. (In Russ.)
17. Polterovich V.M. *Institutional traps and economic reforms*. Moscow, Russian Economic School, 1998. (In Russ.)
18. Fomin R.V. The institutional trap of modernization of the social and economic policy of the Southern Federal District in the conditions of digitalization of the economy. *Modern Economy: Problems and Solutions*, 2020, no. 3, pp. 186-196. (In Russ.)